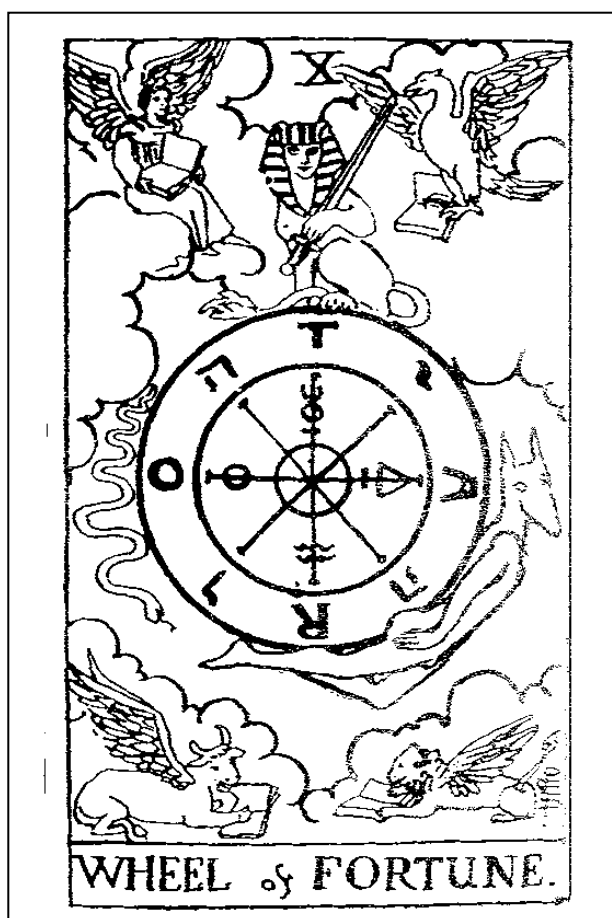

ГЛАВА 10

Вести из Ялты

Аркан 10. Наименование: *Колесо Фортуны.*

Буква евр. алф.: ¹ *Йод.*

Иероглиф: *Указующий перст.*

Числовое значение: *10.*

Гностический символяриум: *Царство Божие; Порядок (Космос);
Удача, Везение, Успех, Фортуна; Перст Судьбы; Момент Истины.*

Графические символы: *Две пентаграммы; Кабалистическое дре-
во; Десть (десять); Гексаграмма в квадрате.*

Астральный знак: *♁ Дева.*

Развитие темы Весов 8-го аркана. Связанность на Земле воедино Добра и Зла, послушания и своеволия; покинутости и помощи Высших Сил, победы и поражения.

Орденское описание. К Колесу Фортуны привязаны на противоположных концах диаметра два символических существа: Германубис (Кинокефал) — олицетворение *добра* и Тифон (Апоп) — олицетворение *зла*. Вращение колеса в ту или

другую сторону приводит к повышению одного из антагонистов и автоматически к понижению другого. Взаимосвязь добра и зла манифестирована в 10-ом аркане с абсолютной внятностью.

Сфинкс наверху Колеса символизирует Судьбу, карающий меч в его лапах-руках — *меч Немезиды* — идентичен Булгаковским *иглам*, обильно рассеянным по всем произведениям. Две половины колёсного балансира эквивалентны Колоннам Справедливости (Строгости) и Милосердия (Милости) *Кабалистического древа*, вилка, в которую вмонтировано Колесо, в этом случае является Колонной Равновесия. Восьмеричная «роза ветров» внутри Колеса вместе с двумя персонажами образуют полноту декадности, являющуюся сутью арканного изображения. В углах картинки изображены мифологические животные (включая человека) — символы четырёх стихий и четырёх евангелистов. Одна пара перекрещивающихся диаметров внутри колеса содержит на концах слово TARO, другая — Тетраграмматон. Вращение Колеса меняет позицию и надпись, давая разные варианты прочтения текста-концепта.

Одни едут на этом Колесе, по другим оно, давя, проезжает. Сходство с колесом трамвая при этом особенно выразительно.

Аркан заявляет о неустойчивом равновесии земной структуры — эту мысль Гёте выразил так: *Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день идёт за них на бой.*

Десятая глава построена Булгаковым на ускользающих «исходных данных», изменчивости обстоятельств и коловращении всего и вся в пространстве повествования.

Финдиректор Римский и администратор Варьете Варенуха разыскивают “как сквозь землю провалившегося” директора заведения Стёпу Лиходеева, обзванивая, телеграфируя и посылая курьеров во все мыслимые и немыслимые точки Москвы и области, где он мог “запропасться”. Дело подогревает объявленный сеанс чёрной магии “профессора Воланда” и неслыханный в связи с этим аншлаг.

Мрачный пессимист Римский, чья фамилия, перекликаясь с пять раз прозвучавшим в Пятой главе словом «Колизей», вызывает в памяти выражение “ров львиный”, с которым он оказывается в родстве благодаря своему отчеству. Финдиректор постоянно к тому же чертыхается, чуя, старый лис, недоброе.

Наоборот, холерический оптимист Варье-нуха (“А ну-ха, девушки!”) деятелен, суетлив и задирист: лжёт по телефону домогальщикам, юлит и уклоняется от ответственности, словом, *министр ада*.

Напряжённое и всё более заволакивающееся мглой недоумения ожидание Стёпы неожиданно пререзается *сверхмолнией* из Ялты, где обнаружился “самозванец”, называвший себя директором Варьете. Слова, присланные ялтинским угрозыском, звучат как угрозы “храму эстрады”, и Варенуха шлёт отповедь в качестве алаверды.

Не прошло и часа, как удар молнии постиг их снова, на этот раз молнии шаровой, прочтя её, финдиректор и администратор выкатили друг на друга шары и так и

застыли в позах финальной сцены «Ревизора». Телеграмма гласила: “Умоляю верить брошен Ялту гипнозом Воланда молнируйте угрозыску подтверждение личности Лиходеев”. Выйдя из немоты, стали вспоминать немца, да получалась всё какая-то — *чепуха, чепуха, чепуха*, — заверещал Варенуха. *Чёрт* — в третий раз мрачно припечатал Римский. Позвонили чёрту. Никто, кроме Шуберта, на звонок не отозвался. — Не снизошли.

И тут в третий раз вдарил молния.

Она оказалась фотоподтверждением почерка и подписи Лиходеева, несмотря на то, как потрясённо выдохнул Варенуха, что “этого не может быть”. Это-то “не может” при сличении оказалось подлинной правдой. Твёрдые материалистические мозги сослуживцев мгновенно вдавило в жидкий пластилин невероятного, тем не менее не только очевидного, но и осязодного.

В четвёртый раз гильотиной падает поисковое *чёрт* в кашеевом умозрении финдиректора. Как ни пытался “чахнувший над золотом” увязать взлохмаченные происшествием факты, концы с концами не сходились — хоть убей! Данные стояли врасстыр и сводили с ума...

В этот момент в свинцовых небесах директорской вновь сверкнула молния. Это уже Римский прорубил тьму неизвестности озарением и мгновенно собранным из всей этой ахинеи пакетом-посланием в ТУДА, *где должны разобратся* (туда некуда). Варенуха был снаряжён в качестве молниеносца. Уже в дверях он вновь столкнулся с почтальоншей. Две зигзагообразные шпаги скрестились между собой. В руках пришедшей было такое послание: “Спасибо подтверждение срочно пятьсот угрозыск мне завтра вылетаю Москву Лиходеев”.

Сластолюбивый Стёпа (*пять* ему, видите ли, *сот!*) явно перегибал палку в уже не смешно затянувшейся шутке.

“— Он с ума сошёл... — слабо сказал Варенуха.” (Ещё бы! Деньги-то какие!)

Но *кащей* молча потянулся к *кассе*.

Далее события развивались вихреобразно. Забежав на секунду в свой кабинет, Варенуха получает по телефону *первое* серьёзное предупреждение от потусторонников-хулиганов. Это его не останавливает: весь организм сопротивляется грубому нажиму наглой неведомой шайки. Однако заскочив по служебной надобности в уборную, он получает в форме рукоприкладства *второе* серьёзное предупреждение со стороны некоего котообразного толстяка. Внушение происходит при свете молний, хоть и на фоне нужников. Появившийся второй незнакомец — “маленький, но с атлетическими плечами, рыжий как огонь, один глаз с бельмом, рот с клыком” — “благословляет” администратора по другому (варен) уху, после чего Иван Савельевич окончательно расслаб и осовел. Наказание носило, безусловно, космический характер, потому как сразу после второго (громового) удара что-то “грохнуло в небе, и на деревянную крышу уборной обрушился ливень”. На робкие возражения Варенуха получает третий, наиболее проникновенный удар, сопровождающийся “пусканием крови” на *толстовку*, каковая не только спровоцировала заушение с обеих рук в плане общего учения *о непротивлении злу насилем*, но и удовлетво-

рила постоянно действующее *желание пострадать* в аспекте квазихристианских поползновений графа.

В грубой форме у Варенухи изымается портфель с неотосланной телеграммой, самого же вкрутую сваренного Варенуху экзаменаторы-мозговправщики волокут в дом № 302-бис, где в 50-ой квартире его уже поджидает “совершенно нагая девица — рыжая, с горящими фосфорическими глазами”. Холод и полную реальность её прикосновения он ощутил даже сквозь рационалистическую позитивистскую *толстовку*.

“— Дай-ка я тебя поцелую, [Данко], — нежно сказала девица, и у самых его глаз оказались сияющие глаза. Тогда Варенуха лишился чувств и поцелуя не ощутил”.

Так утратил природную девственность ещё один Иван — в аспекте общего булгаковского *толстоведения* в совсем уже “касацком” стиле.